

А. И. СИДОРОВ

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К БИОГРАФИИ МАКСИМА ИСПОВЕДНИКА

В настоящее время, после выхода в свет множества специальных работ, посвященных творчеству Максима Исповедника, не приходится уже сомневаться в том, что это — выдающаяся фигура в истории культуры. Определение его как «эклектика», встречающееся еще в начале XX в.¹, исчезло со страниц научных изданий. Большую роль в этом сыграла книга Г. У. Бальтазара, который «открыл» для западного читателя глубокую оригинальность и высоту полета философской мысли Максима Исповедника, внутреннюю ритмичность и гармоничность его построений². После этой книги в Максиме Исповеднике стали видеть универсальнейший ум VII в., возможно даже, последнего самостоятельного мыслителя в византийской церкви, который сочетал выдающуюся философскую спекуляцию и мистическую одаренность³.

Естественно, что биография столь яркой личности представляет немалый интерес. До самого последнего времени сомнения относительно основных фактов биографии Максима Исповедника почти отсутствовали, ибо описание его жизни опиралось на греческую редакцию «Жития преподобного Максима» — главный источник для реконструкции данной биографии, производимой современными исследователями⁴. Но в 1973 г. С. Брокм была опубликована сирийская версия этого «Жития», резко контрастирующая с греческой редакцией⁵. Появление нового источника по-

¹ См.: *Straubinger H.* Die Christologie des hl. Maximus Confessor. Bonn, 1906, S. 10. По контрасту можно привести высказывание А. И. Бриллиантова о том, что знакомство с воззрениями Максима Исповедника «заставляет признать в нем мыслителя самого высокого достоинства». См.: *Бриллиантов А. И.* Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эриугены. СПб., 1892, с. 192.

² *Balthasar H. U. von.* Kosmische Liturgie. Maximus der Bekenner: Höhe und Krise des griechischen Weltbildes. Freiburg im Breslau, 1941, S. 1—4 и. а. Собственно, для Запада Максим Исповедник был «открыт» еще в средние века, но он не оставил глубокого и яркого следа в западной средневековой культуре. Влияние Максима Исповедника ограничивалось главным образом Иоанном Скотом Эриугеной и, в незначительной степени, Бернаром Клервоским. Помимо указанной работы А. И. Бриллиантова, см.: *Geanakoplos D. J.* Byzantine East and Latin West: Two Worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. Oxford, 1966, p. 24; *Anastos M. V.* Studies in Byzantine Intellectual History. L., 1979, XII, p. 134, 137. В целом можно сказать, что восприятие наследия Максима Исповедника на Западе шло преимущественно на интеллектуальном уровне. Совсем иначе обстояло дело в русской культуре — Максим Исповедник как бы жил в ней. Об этом свидетельствуют память и служба ему, совершаемая два раза в году (21 января и 13 августа) в русской православной церкви; «Житие» Максима Исповедника в «Минеях Четиях» (как Макария, так и Дмитрия Ростовского); наконец, значительное количество его произведений, переведенных на древнерусский язык. Поэтому Максим Исповедник является одним из ярких примеров органической связи византийской и русской культур.

³ *Beck H. G.* Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 358, 436. В крайнем случае, если Максиму Исповеднику и отказывают в творческой гениальности, то, по крайней мере, называют «гением суммации». См. *Völker W.* Maximus Confessor als Meister des geistlichen Lebens. Wiesbaden, 1965, S. 490.

⁴ См., например: *Флоровский Г. В.* Византийские отцы V—VIII вв. Париж, 1933, с. 195; *Scherwood P.* An Annotated Date-List of the Works of Maximus Confessor. Rome, 1952, p. 1—21; *Thunberg L.* Microcosm and Mediator: The Theological Anthropology of Maximus the Confessor. Lund, 1965, p. 1—4.

⁵ *Brock S.* An Early Syriac Life of Maximus the Confessor.— *Analecta Bollandiana*, 1973, t. 91, p. 299—346.